

пророка отделились от суннитов и шиитов. Это обстоятельство, а также богатства, нажитые вопреки предписаниям корана, послужили причиной гибели Авдагоста.

В 1050 году двое священнослужителей покинули мечети, «где наставники лишились всякого чувства набожности», и укрылись в укрепленном монастыре в Марокко. Их проповеди привлекли верующих. Этим священнослужителям именовали альморавидами (так назывались те, кто удалялся в монастырь). Приверженцы альморавидов обрушились на Магриб, мечом обращая в свою веру тех, кто не соблюдал закон.

Первыми, кого следовало обратить в истинную веру, были зенеты, а среди них и жители Авдагоста, разбогатевшие на денежных сделках, что запрещалось кораном. В 1054 году альморавиды, движимые религиозными идеями, напали на Авдагост и опустошили его.

Больше о городе ничего не известно. По некоторым сведениям, он снова превратился в поселение, в котором правил мелкий вожь из племени сонгаи. Поселение вновь стало лишь источником воды для проходящих караванов. Затем колодцы засыпало песком...

Около XIV века Авдагост сделал попытку возродиться (по легенде о тедгаустах), но восставшие рабы разрушили его снова. И подобно тому как исчезли под покровом песка руины города, исчезли и воспоминания о нем.

Но как мог бесследно исчезнуть город, который был местом обмена берберской соли на золото Ганы? Исследователи нашли объяснение и этому. Около 1050 года открылись новые пути за солью через Сахару, в направлении к Уаргла.

Дорога, проходящая через Авдагост, была заброшена.

Город, столь внезапно появившийся и необычайно быстро выросший, стал призраком.

УРОКИ АВДАГОСТА

Будут ли через несколько лет приземляться самолеты на крошечном аэродроме, сооруженном археологами поблизости от Ркиза, будут ли туристы гулять по улицам древнего Авдагоста? Все возможно. Очевидно, благодаря этому открытию станет понятнее история раннего магрибского средневековья. Тогда об Авдагосте заговорят... Но некоторые выводы можно сделать уже сейчас.

При исследовании руин Авдагоста успешно сотрудничали лингвисты, историки, палеографы, ботаники, геологи и другие специалисты. Среди его первооткрывателей было много африканцев. Подобное сотрудничество может послужить примером для всех исследователей.

История Авдагоста говорит о том, что уже к 1000 году в одном из городов Мавритании столкнулись две цивилизации: ислама и «черной» Африки.

Жан Девис, Дениза и Серж Робер совершили подвиг во имя человечества. Они напряженно работали восемь лет и только недавно заявили о своем потрясающем открытии. Археологи хранили молчание до тех пор, пока окончательно не убедились в том, что они открыли действительно Авдагост.

Сейчас Авдагост входит в сокровищницу общечеловеческой культуры.

дения земельных реформ, отмены пенсий и привилегий князей. Она активно поддержала происки большого бизнеса, феодально-помещичьей верхушки и отражающих их интересы правых реакционных сил, чинивших препятствия осуществлению указанных мер. Монополистические органы печати — «Хиндустан таймс», «Индиан экспресс», «Стейтсмен» и другие приветствовали решение Верховного суда Индии, признавшего «незаконными» указы президента Индии о национализации банков и отмене пенсий и привилегий князей.

В период проведения внеочередных всеобщих выборов 1971 года монополистическая пресса активно выступила в поддержку «великого альянса» — группировки правых партий «Синдиката», «Сватантры» и «Джан Сангх», к которой присоединилось руководство Объединенной партии. В то же время она выражала «сожаление» в связи с отсутствием «необходимой гармонии» в этом блоке. Много места на страницах конт-

ролируемых монополистами газет и журналов отводилось предвыборным выступлениям лидеров правых партий, широко пропагандировались их предвыборные манифесты.

Монополистические органы печати проводили в предвыборный период широкую кампанию в поддержку представителей крупного индийского бизнеса, баллотировавшихся на выборах по спискам правых партий. Так, «Хиндустан таймс» активно выступала в поддержку К. К. Бирлы, выдвинувшего свою кандидатуру на выборах в Народную палату индийского парламента в Раджастанхана, «Индиан экспресс» — Рамнатха Гоенки, баллотировавшегося в Мадхья-Прадеше, «Стейтсмен» — Навала Таты, баллотировавшегося в Бомбее.

В то же время в монополистической печати появлялось много материалов, направленных на дискредитацию Индийского национального конгресса и правительства Индиры Ганди. Так, например, «Хиндустан таймс» писала о наличии якобы «тайного

сговора Индиры Ганди с коммунистами», в связи с чем «демократия Индии находится в опасности», «Индиан экспресс» утверждала, что в религиозно-общинных столкновениях в стране в последнее время «повинно правительство Индиры Ганди».

После выборов, закончившихся убедительной победой Индийского национального конгресса (он получил 350 мест в Народной палате из 518) и сокрушительным поражением партий «великого альянса», монополистическая пресса пыталась поставить под сомнение их результаты. В ряде статей указывалось, что ИНК использовал «государственные средства» для ведения предвыборной кампании, продлевал различные махинации с избирательными бюллетенями и т. п. Однако эти жалкие потуги прессы большого бизнеса не могут скрыть правды — индийский народ высказался в поддержку прогрессивного курса Индийского национального конгресса, правительства Индиры Ганди и преградил дорогу силам реакции.

КОЛДУНЫ И ЛЕКАРИ

АКСЕЛЬ ФРЕЛАУ

Я ПОЛУЧИЛ новую должность в главной больнице области Квилу. Приближался наш отъезд из городка. Местный колдун был твердо убежден, что мой уход устроил именно он. Короче говоря, «сработало» его дауа-дауа¹. Возможно, что с его точки зрения, это было и справедливо — ведь мы плохо отзывались друг о друге, и он хотел избавиться от меня.

Наше соперничество началось уже с первой недели. Нужно было оперировать женщину — сделать кесарево сечение. Все шло хорошо. И вдруг на шестой день после операции пациентку стало сильно лихорадить. Я предполагал, что в организм попала инфекция, пока мой ассистент не шепнул мне: «Воспаление мозга».

Такой диагноз показался мне маловероятным. Здесь что-то не так. Родственники больной стояли у ее постели, и это было тоже подозрительно. Я отвел ассистента в сторону:

— Что случилось? Что могло вызвать лихорадку? Почему они выглядят виноватыми?

— Дауа-дауа, доктор.

— Что? Колдун?

— Да. Из-за двойни. Здесь это считается позором. Бабуа² верят, что, если родится двойня, значит, жена изменила.

Мы публикуем отрывок из книги Акселя Фрелау «Вьетса пульсе Конго». Автор — чешский врач, три года проработавший в Конго (Браззавиль). Книга готовится к печати в Главной редакции восточной литературы издательства «Наука».

¹ Дауа-дауа — колдовское зелье.
² Бабуа — одно из племен, живущих в Конго (Браззавиль).

— А при чем тут колдун?
— Вождь клана пригласил его. Он смыл позор с помощью пилипили.

— Боже мой, с помощью яда?!
Пилипили — один из видов африканской паприки исключительной силы. Колдун сжег женщине внутренности.

— И они не помешали ему?

— Это было бы бесполезно. Едва мы выйдем из палаты, как колдун тут как тут. Ничего не поделаешь. Если миссионерам разрешается исповедовать больных и причащать умирающих, то нельзя запретить и колдуну доступ в больничные палаты. Ведь он также духовник фетишистов.

— Но миссионеры не вмешиваются в наши дела.

— Как сказать...

Однажды я встретил колдуна во время неурочного вечернего визита в больницу. Он был высок ростом, одет в тогу, в одной руке держал бутылочку с какой-то зеленой жидкостью, в другой — небольшой жезл.

Наконец-то я стоял с моим конкурентом лицом к лицу!

— Куда идешь?

— Туда. — Он показал жезлом на больничный корпус — Мала-ри.

— Что в бутылке?

— Май ва малари — вода для больного.

— Это вредно больному, это дауа-дауа.

Он смерил меня презрительным взглядом и, прежде чем я смог что-либо сделать, прошел в палату. Мне оставалось лишь признать свое поражение. И было неоспоримо: он стал моим врагом.

Собственно, он был прав. Колдун, традиционный врачеватель, играет в жизни племени важную роль, его общественное положение и деятельность определяются социальными условиями среды. Он служит посредником между членами рода и Нунгу, или Нзамби, — великим духом. Он защищает род от ярости демонов. У него спрашивают совета старейшины, он хорошо разбирается в целебных травах. Он бы даже мог быть полезен органам здравоохранения. Это показал случай с прививкой против брюшного тифа.

После наводнения возникла угроза эпидемии. Наш новый директор был ответственным за ее ликвидацию в округе. Надо было срочно делать прививки населению. Однажды грузовик окружного управления испортился, и директор попросил у меня автомобиль. Мы погрузили людей и багаж, перебрались через реку и проехали еще двадцать километров. В одном пункте, возле хижины в джунглях, мы выгрузились, и я пообещал директору и санитарам, что отвезу их после обеда обратно. К условленному часу я был на месте.

— Кончили? — спросил я.

— И не начинали, — сказал директор. — Никто не пришел.

— Вы же договорились с вождем деревни.

— Это верно. Однако знахарь все расстроил.

— Как же это могло случиться? Ведь сделать прививки предписано властями.

— Он тоже власть.

Больше я не расспрашивал.

Однако не все колдуны консервативны или даже злонаме-

ренны. В Бута мои испанские коллеги представили мне конголезца, который сидел с ними в баре и пил пиво, когда я вошел. Это был мужчина лет сорока, приземистый, в шортах и спортивной рубашке. На шее у него висела цепь из зубов дикого кабана, как носят вожди племен, на голове была феска. У входа в бар стоял велосипед, украшенный разноцветными лентами.

— Наш медик, — представили его мне.

— Да нет же, — отнекивался он, смеясь, — лекарь, помощник природы.

Мы сидели и разговаривали. Колдун восхищался современной медициной, особенно пенициллином.

— Да, господа, — говорил он, — это действительно чудо. Одно из естественных средств. Природа ведь очень богата.

— Я слышал от моего коллеги, что вы знаете много лекарственных трав. Не могли бы вы познакомить меня с некоторыми из них?

— Пошлите меня на три месяца в Европу, я стану изучать там вашу медицину, а потом приходите ко мне, и я буду взамен обучать вас нашей медицине.

Это было неплохо сказано. Они хранят свои тайны. Им запрещено выдавать монделе³ родовые секреты. Кроме того, они боятся конкуренции.

Во время одной из поездок в Кванго я познакомился у Баяка с колдуном, который был широко известен как исцелитель малярии. Мне удалось развязать ему язык при помощи нескольких бутылок пива, которые мы всегда возили с собой.

— Вы пользуетесь особыми травами? — спросил я. Колдун откинулся на спинку шезлонга, который стоял в тени его хижины, выпил до дна бутылку пива и посмотрел на меня отрешенным взглядом. Он был уже стар, белки его глаз были желтые, а курчавые волосы сильно тронуты седой. На ногах он носил резиновые сандалии, а на голове — нечто вроде шутовского колпака, утыканного стекляшками, который надел, видимо, специально в мою честь или же чтобы подчеркнуть свое благородное происхождение. Пиво ему понравилось, и он не был настороженным.

— Да, специальные травы и кое-что еще.

— Ваш собственный рецепт?

— Я получил его от прадеда.

— Вы помогаете всем, независимо от племенной принадлежности?

— Прежде всего я манганга⁴ своего племени.

— Но вы же могли принести исцеление сотням тысяч людей! Почему вы не даете ваш рецепт белым манганга? Мы бы лечили ваших братьев.

Он покачал головой. Я не отступался:

— Когда ваши люди приходят к нам, мы их лечим. Если бы мы отказались, они могли бы подумать, что это потому, что они другой расы.

Он снова покачал головой и сказал:

— Нет, мое средство действительно только в моих руках.

Он был деловым человеком. Его «врачевание» обставлялось психологическими эффектами. Просители должны были ползать перед ним на коленях, он давал легкий церемониальный пинок ногой и говорил:

— Встань, о червь. Чего ты жалеешь?

Тогда, сияя от счастья, «червь» излагал свою просьбу.

Конечно, «медик» заботится о благополучии своего племени, однако здесь есть и элемент мошенничества. Когда кто-нибудь заболит, он обвязывает шнурком или веревкой заболевшую часть тела — голову, грудь. На шнурке болтается данное колдуном «лечебное» средство — кусок бамбука, коралл, мешочек-ладанка. Однажды я открыл подобный кошелек величиною с наперсток, привязанный больным к сломанной ноге. В нем была соль.

Мой ассистент в киквитской больнице, Бабунда, рассказывал мне, как колдун обращался с больными его племени. Он появлялся с пальмовой ветвью в руке, обмахивал ею пациента, умоляя Нзамби пережить болезнь из тела больного в пальмовую ветвь. Затем касался веткой пораженного места и бросал ее в огонь. Всю ночь напролет дежурили родственники у ложа больного. Если он выздоравливал, то это означало, что Нзамби услышал мольбы колдуна.

— А что, если болезнь прогрессирует?

— Ведь есть еще больница!

— Теперь я понимаю, почему больные зачастую слишком поздно попадают в больницу. Это тоже на совести «медика».

— Вы ошибаетесь. Больные сами не спешат обращаться туда.

— Почему же колдун сразу не посылает их в больницу?

Ассистент немного подумал:

— Больной, как и здоровый, составляет у нас часть общины. Когда все дежурят у его постели, он не чувствует себя таким одиноким, как в больнице. Он знает, что вся община принимает участие в его страданиях. Такая моральная и психологическая поддержка оказывает сильное лечебное действие. «Медик» помогает поддерживать единство рода. Когда больной выздоравливает, семья устраивает всеобщий пир: закалывают козу, пьют пальмовое вино. У нас любят праздники.

— Берет ли «медик» гонорар?

— Он получает подарки: кур, козу, пальмовое вино. Он же должен на что-то жить. Теперь, однако, этот обычай вытесняет дурная привычка — требовать деньги. Это портит людей.

— Но ведь деньги легко обменять на товары.

— Но у нас мало денег. Зачем только европейцы привезли их к нам! Мы и без того достаточно бедны.

Это была горькая правда. Деньги сделали африканцев еще беднее, они острее почувствовали свою нужду. Раньше африканцы разводили коз или кур, сеяли просо, сажали маниоку. Теперь они должны покупать маниоку.

— Помните ребенка с парализованной ногой?

— Конечно. Мы настолько подлечили ее, что малыш уже мог ходить. Ему нужно было побыть у нас еще месяц — другой, чтобы окончательно выздороветь.

— Мать забрала своего ребенка, потому что думала, что в больнице о нем плохо заботятся.

— Это же чушь!

— Раз вы не берете никакого вознаграждения, рассуждала она, стало быть, ребенок вас не интересуется и вы не стремитесь его побыстрее вылечить. Надежнее идти к колдуну. Ребенок выздоравливает, мать продает свою последнюю козу или просто отдает ее колдуну, чтобы заплатить за «лечение».

К сожалению, даже в Европе еще верят в чудеса. Чего мне было обижаться на санитаров, если они верили в дауа-дауа!

Как-то я пришел в больницу. Одна роженица, женщина из племени пигмеев, крепко перевязала себе грудь веревкой. На мой вопрос санитар разъяснил:

³ Монделе — белый.

⁴ Манганга — лекарь.

— Демонический метод лечения, господин врач. Чтобы вызвать молоко.

— Ладно, — сказал я, став теперь умнее, — мы не тронем это, но сделаем ей несколько уколов. Я написал рецепт. — Тем самым мы сочетаем демонический метод с гормональным, и результат не замедлит себя ждать.

Санитар просиял: он не ожидал от белого такой понятливости.

Разумеется, наряду с так называемыми добрыми колдунами существуют и «злые». Если колдун может лечить, то он может и погубить человека. В больнице поселка Мази лежал один деревенский старейшина, ему было за семьдесят. Мой коллега оперировал у него грыжу. Неожиданно спустя две недели у старика оказалось заражение крови. В этом нет ничего удивительного: родственники днюют и ночуют возле постели больного, трогают грязными пальцами бинты, чтобы посмотреть, как заживают раны. Старик был при смерти. Мой коллега, страшно расстроенный, что семья больного может обвинить в этой смерти его, попросил меня разъяснить главе рода, что произошло. Глава рода, статный мужчина, сказал:

— Мы этого ожидали. Наш дедушка должен умереть. Это предопределено.

Тут он заметил, что я очень удивлен и добавил:

— У дедушки есть страшный враг, который пошел к «злему» колдуну, и тот послал старику смерть.

Такой маг лепит из хлебного мякиша фигуру жертвы и втыкает ей в грудь иголку. Если жертва умирает, то авторитет колдуна только укрепляется. В одной из конголезских газет была опубликована совершенно невероятная история. Жена плантатора пригласила к своему больному мужу колдуна после того, как все лекарства, предложенные белыми врачами, оказались бесполезными. Колдун пришел, посмотрел, набросал на больного несколько листьев... и больной выздоровел. Колдун потребовал огромный гонорар — сто тысяч франков. Жена отказалась платить. Колдун без единого слова покинул дом. Случайно мимо проходил больной, у которого на затылке была опухоль. Колдун на него взглянул и перенес опухоль на затылок жены плантатора. Когда опухоль сильно выросла, женщина поехала в Европу: ничто, кроме операции, не могло

ей помочь. Как только расходы по поездке и лечению составили сто тысяч франков, опухоль пропала.

Можно этому верить и не верить. Я этому не верю. Но разве обязательно ехать в Африку, чтобы услышать подобные истории?

Я был не слишком обрадован, когда узнал, что меня также считают великим колдуном. Это случилось после того, как я извлек из черепа раненого разрывную пулю. Даже среди военных есть еще много людей, которые верят в заговор от пули. Мы не должны смеяться над ними. В конце концов в Европе также было немало солдат, которые носили на фронте амулеты.

В моем отделении как-то произошел такой случай. В больницу был доставлен сержант, тяжело раненный в предплечье. У него в руках разорвалась винтовка. Он рассказал мне:

— Мы были в экспедиции против мятежников. Я хотел выстрелить, но неожиданно винтовка дала осечку. «Что скажет лейтенант?» — подумал я и пошел в соседнюю деревню к колдуну. Он сообщил мне, что пуля заколдована. Затем слегка погладил винтовку и приказал: «Теперь стреляй. Ты не умрешь, но поранишь себе руку. Хорошо, что ты пришел. Если бы ты снова попытался выстрелить, ты бы умер».

— Но ведь ствол разорвался, сержант. Посмотри на свое плечо.

— И все же он хорошо наколдовал, иначе меня бы тут не было.

Однажды секретарь нашего магистрата попросил меня одолжить ему машину — его «форд» был не в порядке: наверное, опять кончился бензин.

— Куда вы собираетесь ехать? — спросил я.

— О, недалеко. Примерно тридцать километров. Расследовать убийство: отравили человека.

— Вот ключи, господин секретарь, только с одним условием: когда вернетесь, расскажите мне, что там случилось. У меня слабость к криминалистике.

Вечером он отдал мне ключи от машины.

— Что же вы выяснили? — спросил я.

— О, его отравила жена.

— Вы ее арестовали?

— Н... нет. Мы не могли этого сделать. У нее были основания для убийства... Сложное дело.

— Она же погубила человека!

— Ну да, она опасная колдунья.

С этим надо считаться. Ведь у нас самих есть дети.

...Итак, приближался день, когда я окончательно испортил отношения с нашим колдуном. Он пришел с бутылкой и хотел пройти в палату. Я остановил его:

— Куда?

— К больному.

— Зачем? — сказал я. — Вода очень плохая.

— Маури, музури! — закричал он, и в глазах его зажглись злые огоньки.

Я дал понять ассистенту, что категорически запрещаю пускать колдуна в палаты. Какая наглость! Пришел бы еще вечером, а то среди бела дня!.. К тому же нам предстояла операция. Колдун наверняка шел, чтобы «обработать» больного.

Ассистент долго разговаривал с колдуном. Я поведал о случившемся жене. Она сказала:

— Ну и заварил же ты кашу!

Ночью разразилась настоящая тропическая гроза. Когда ливень прекратился, я уснул. Меня разбудил шум: словно какой-то зверь ворочался между цистерн. Мы с женой прислушались. Раздался стук, напоминающий удары молотом, сильно запахло серой.

— Это дело рук твоего колдуна, — заметила жена.

Мы зажгли свет — стук прекратился. Мы снова легли, потушили свет, и все началось сначала. Мы оделись и поспешили во двор, вооружившись копьями, так как нам не полагалось иметь при себе огнестрельное оружие. Я медленно объехал вокруг дома на автомобиле. Конечно, это было глупо. Нарушителя покоя давно и след простыл. Попробуй найди африканца среди непроглядной тьмы, в безлунную ночь.

— Вот ты и имеешь теперь свое дауа-дауа, — сказала жена.

— Может быть, это нам просто приснилось?

— У меня никогда еще не было снов с запахом серы, — парировала она.

Несколько дней спустя к нам пришел в гости здешний старожил. Мы рассказали ему о ночном событии.

— Весь ваш дом теперь в опасности. Со мной была подобная история. Колдун похвалялся тогда, что через неделю будет плясать на моей могиле.

У меня на могиле колдуну не пришлось плясать, но мы все время чувствовали себя не в своей тарелке. Это неприятное чувство не покидало нас до самого отъезда.